

An artistic illustration in a monochromatic, sepia-toned style. It depicts three women in classical, flowing robes. The woman on the left is shown in profile, looking towards the center. The woman in the middle is seated, her long, dark hair blowing in a breeze, and she is looking towards the right. The woman on the right is also in profile, looking towards the center. The background features faint, sketchy outlines of trees or vines. The overall mood is serene and elegant.

Вагим Федоров

**Метера**

18+

# Вадим Федоров

## Мегера

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70330354](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330354)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

«Три женщины, три тела – и одна душа, порхающая между ними». «И главное, чтобы твои боги ладили между собой. Чтобы никто не брал верх. Иначе человек становится безумным. И начинает творить зло».

# Содержание

Глава 1. Алёна	4
Глава 2. Агриппина	16
Глава 3. Сара	25
Глава 4. Алёна	39
Глава 5. Агриппина	49
Глава 6. Сара	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

# Вадим Федоров

## Мегера

### Глава 1. Алёна

Солнечный лучик протиснулся между двумя шторами. Скользнул по заваленному книгами письменному столу. Осторожно обогнул открытый ноутбук. И наконец застыл на рыжей пряди спящей девушки.

Девушку звали Алёна. Было ей восемнадцать лет, и она закончила школу. Сегодня должен был быть выпускной вечер. Позади были школьные годы, занятия, экзамены. Девочка спала, освещённая солнечным лучиком.

Дверь медленно приоткрылась. В комнату заглянула мама Алёны. Маму звали Елена Николаевна. Женщина, как обычно говорится, бальзаковского возраста, с умело закрашенными седыми волосами. Чуть полноватая. В домашнем шёлковом халате. Она залюбовалась дочерью.

Худенькая, с круглым личиком и огромными глазами, которые в данный момент были закрыты. Лишь загнутые вверх длинные ресницы подрагивали во сне. Светлая кожа и рыжие волосы. Юная, восемнадцать с половиной лет. Прекрасная в своей юности.

Елена Николаевна подошла к дочери и осторожно потряс-

ла её за плечо. Суббота, 20 июня 2015 года, выпускной вечер у её дочери. В шкафу висит красивое бело-красное платье. Под кроватью красные туфельки. А принцесса ещё спит.

Мама помедлила и вновь потрясла дочку за плечо. Та потянулась и что-то пробормотала на латыни. Потом открыла глаза, улыбнулась и обняла Елену Николаевну.

– Доброе утро, мамочка.

– Доброе утро, доченька, – ответила Елена Николаевна, – опять сон?

– Опять сон, – улыбнулась Алёна, – сегодня хороший сон, добрый.

Она вскочила с кровати, глянула на часы, включила воду и умчалась умываться и чистить зубы. Елена Николаевна вздохнула и отправилась на кухню. Она очень не любила, когда её дочка так просыпается и говорит на странных языках. И она боялась этого. Потому что любила свою единственную дочь. Хотя Алёну в семье любили все. И отец, и бабушка с дедушкой. И прочие дальние и близкие родственники. Единственный ребёнок в семье. Её баловали все. А она не избаловалась. Выросла умной и жизнерадостной девушкой. С отличием окончила школу. Знала несколько языков. Занималась спортом, гимнастикой.

Только было у девочки несколько странностей, о которых знали только близкие и старались об этом не то что не говорить, но и не думать.

Первая странность – Алёна знала несколько языков.

Не учила, а просто знала. Немецкий, чешский, греческий и... латынь. С самого детства.

Вторая странность – с детства же умение готовить, знание бытовых вещей, различных секретов по дому. Никто её этому не учил. Просто знала, и всё. Могла пятилетней подойти к маме и посоветовать, чтобы та замариновала мясо для шашлыка в пиве, и лука не жалеть. Типа так вкуснее выйдет. И правда, выходило вкусно.

Родные считали, что это дар. А сама девочка знала, что это просто опыт. Житейский опыт её остальных женщин.

Есть такой фильм «Зеркало для героя», снятый задолго до «Дня сурка». В этом фильме главный герой просыпается в прошлом и целый день пытается поменять это прошлое. Засыпает. И просыпается вновь в том же месте и в то же время.

У Алёны было немного по-другому. Она засыпала и иногда просыпалась уже в другом месте, в другом времени и в другом теле. Тоже женщины. Их было ещё две. Прожила день одной из этих женщин. Вечером ложилась спать. Чтобы проснуться в теле третьей. И так изо дня в день, из года в год.

Три женщины, три тела – и одна душа, порхающая между ними. Но вернёмся к Алёне.

Девушка почистила зубы, приняла душ. Прибежала на кухню в лёгком халатике. Йогурт, яичница, крепкий чай. Чмокнула маму в щёчку.

Упорхнула к себе в комнату. Достала из шкафа платье. Полюбовалась на него. Повесила на дверцу. Открыла ноутбук. Вбила в поисковик казнь Иисуса и начала перебирать ссылки.

Через пару часов Елена Николаевна оттащила дочь от ноутбука и повезла делать причёску к своему парикмахеру. Потом ногти. Потом макияж. Еле-еле успели заехать домой и одеться в платье. Опаздывать на выпускной было нельзя. Он проходил на небольшом прогулочном теплоходе. И теплоход опаздывающих не ждал.

Примчались на пристань на такси. Оказалось, что отход кораблика от пристани задерживается на полчаса. Елена Николаевна прошла на палубу к группе учителей и родителей, оживленно обсуждающих что-то. Алёна задержалась у трапа. Подошла к кучке одноклассников, уже в открытую, не таясь, курящих сигареты.

– Филиппова, пыхнёшь с нами? – спросил кто-то из кучки. Этим кем-то был Игорь, одноклассник Алёны, небольшой коренастый паренёк хулиганистого вида.

– Я не могу курить, я будущая мать, – улыбнувшись, ответила Алёна.

– И пить не будешь? – сделав удивлённые глаза, спросил Игорь.

– Выпью вина, выпускной же.

– Не курит, почти не пьёт. Да ты, наверное, ещё девственница? – не унимался Игорь.

– Конечно да, – засмеялась Алёна, – жду тебя, когда ты мужчиной станешь. Чтобы быть последней в классе.

Ребята засмеялись. Игорь покраснел. Он понимал, что над ним стебутся, но ответить на этот стёб у него не получалось.

– Игорёха, отстань от Алёнки, – подал голос друг Игоря, Валентин, высокий, чуть половатый парень с кудрявыми волосами и добродушным выражением лица, – она у нас медалистка, а медалистки не курят.

Игорь заткнулся, решив, что промолчать в его ситуации будет лучше всего.

В это время пароходик вдруг засвистел, и с палубы раздалась команда: «Отходим!» Оставшиеся на берегу бодренько перебежали на палубу. Два матроса принялись было убирать трап, как вдруг на причал подъехало такси. Из него вышла Алёнина подруга Ленка. В бело-голубом платье, в белых туфельках и в голубеньком вязаном берете. Она обладала феноменальной способностью везде появляться в последний момент.

– Наша Лена верна себе. Королева ласт минут, – сказал кто-то из толпы одноклассников. То ли с осуждением, то ли с восхищением.

Но сегодня Ленке не суждено было быть последней. Как только она поднялась на палубу, откуда-то сбоку, из темноты, вынырнули два парня и буквально взлетели на пароходик, чуть не сбив с ног Елену. Трап тут же был убран, швартовы отданы, и выпускной класс с учителями, родителями



и двумя незнакомцами поплыл по Неве.

– Взядли то, – сказал один из парней, растерянно озираясь.

Второй не ответил. Он смотрел на Алёну. И улыбался. Высокий, с курносом носом, зеленоглазый, с короткой стрижкой, немного оттопыренными ушами, он смутно напоминал Алёне кого-то.

– Вы кто такие? – спросила появившаяся из толпы Нина Семёновна, классный руководитель.

Парни растерянно переглянулись.

– Судя по всему, это не наш теплоход, – сказал один из них другому по-чешски.

Нина Семёновна повернулась к Алёне.

– Ты их понимаешь?

– Да, это чешский, – кивнула Алёна и, обернувшись к парням, спросила: – Вы откуда свалились, молодые люди?

– О, девушка из Чехии, – обрадовался первый, – а мы уже думали, что не на свой пароход сели. Только мы вас не помним. Это не наша группа?

– Нет, не ваша, – ответила Алёна, разглядывая непрощенных гостей, – это частная вечеринка, окончание школы.

– Ой, – парни переглянулись, – мы ошиблись. Когда вы причалите обратно?

– Только утром, – рассмеялась Алёна, – раньше никак.

После чего она перевела свой разговор с двумя незадачливыми чехами собравшимся. Собравшиеся решили оставить

двух приятелей на вечеринке в качестве иностранных гостей. Нашли два стула, посадили их рядом с Алёной, так как она единственная знала чешский язык. Друзей звали Вацлав и Гонза.

Вспыхнувший интерес к гостям быстро угас. Выпускной вечер плавно потёк по уже избитому сценарию. Молодёжь веселилась, учителя прикладывали платочки к мокрым глазам, родители разбились на группы по интересам и что-то между собой обсуждали. Ведущий, толстоватый лысый дядька с бегающими глазами, пытался как-то развеселить публику плоскими шутками и призывами выпить за товарищей из Чехословакии, пока кто-то из школьных хулиганов не пообещал скинуть его в реку. Тогда ведущий махнул рукой и объявил танцы. Народ заметно приободрился и пустился в пляс.

Танцевала и Алёна. За ней, как два хвостика, таскались её новоявленные чешские друзья. Танцевали они хорошо, как успела отметить Алёна. Попеременно они приглашали её на медленные танцы, что служило поводом для насмешек окружавших её одноклассников. Но Алёна не обращала на это внимания. Она ждала свой главный танец. И когда ведущий объявил танго, она обернулась и сразу же наткнулась глазами на Валентина.

– Готова? – спросил он её.

– Как пионер, всегда готова, – ответила Алёна.

– Да танго никто танцевать не умеет, – возмутился уже

порядочно выпивший Игорь.

– Мы умеем, – ответил ему Валентин и, взяв Алёну за руку, вывел её на середину импровизированного танцпола.

Народ почтительно расступился. Валентин приобнял партнёршу, выставил локоть, голову отвёл в сторону. Алёна проделала то же самое. Все замолчали. Только шумели волны и ночной город вдалеке. И тут грянуло аргентинское танго.

И Валентин с Алёной поплыли. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Поворот, ноги полусогнуты, скользят по палубе. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Поворот, взгляды на мгновение пересекаются, чтобы опять разойтись в разные стороны. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре.

Танцевали они не идеально. За два месяца невозможно научиться танцевать танго без ошибок. Да и полноватая фигура Валентина была, мягко говоря, не совсем предназначена для этого танца. Но это было красиво. И публика любовалась ими.

Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре. Пара зубчиками скользила по палубе. От центра к краю, от края к центру. Танцоры не смотрят друг на друга, но в глазах мелькают искорки, и два тела двигаются по одной траектории. От центра к краю, от края к центру. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре.

Музыка внезапно кончилась. Танго умерло. Танцоры

остановились, посмотрели друг на друга и рассмеялись. Одноклассники окружили их, хлопая в ладоши.

– Ну вы даёте, танцоры, – кричал протрезвевший Игорьёк, – ну вы, блин, устроили шоу.

– Вы великолепно танцуете, – прокричал по-чешски Гонза, – научите меня танцевать танго?

– Конечно же, научу, – с улыбкой ответила Алёна, – тем более что я очень скоро еду в Прагу учиться. На третий медицинский факультет.

– Чего он там говорит? – заинтересовался Игорь их разговором.

– Говорит, что ты ему очень понравился, – ответила Алёна, – у них там в Праге нравы сам знаешь какие.

Игорь ойкнул и в мгновение ока куда-то исчез. Видимо, пошёл дальше пить свой любимый виски. А Алёна отошла с Гонзой в сторону и принялась болтать о Праге, расспрашивать его о городе и о жизни в нём. Валентин потоптался немного рядом. Но так как он не понимал ни слова из их разговора, то махнул рукой и пошёл искать Игоря.

Танцы продолжались почти до самого утра. Когда пароходик причалил, часть народу разъехалась по домам. Часть отправились гулять. Валентин с Алёной отправились провожать своих новых чешских друзей в гостиницу.

Было время знаменитых белых ночей Санкт-Петербурга. По городу бродили выпускники, ещё раз переживая «Алые паруса». Где-то играла музыка. Улицы были завалены мусо-

ром. Но всё равно атмосфера была праздничная.

– А вы почему на «Алых парусах» не были? – спросил Алёну Вацлав.

– А мы решили, что устроим свой праздник, чего нам толкаться среди туристов, – объяснила ему Алёна. – И получилось по-домашнему уютно и весело. А на «Алые паруса» мы в прошлом году всем классом ходили. В итоге попали в пьяную драку между двумя районами. И родители с учителями решили, что лучше отдельно на теплоходе покататься.

– А мы как раз хотели на «Алые паруса» посмотреть, – с огорчением произнёс Гонза, – да немного заблудились. Зато познакомились с такой очаровательной девушкой, как вы, Алёнка. Надеюсь, что в Праге продолжим знакомство.

Алёна поблагодарила за приглашение. Подошли к гостинице, в которой жили ребята. Попрощались. Валентин проводил Алёну до дома. Вначале на метро, потом пешком. Молчал всю дорогу. Алёна думала о своём.

Подошли к подъезду. В соседнем жил Валентин. Они были соседями по подъездам и с детства дружили. Алёна сняла с плеч пиджак Валентина и отдала ему. Он попробовал обнять Алёну.

– Не надо, Валя, – попросила она, – не порть праздник.

– Да я так, – пробубнил тот, – согреть.

– Я знаю, – ответила Алёна, – ты большой и тёплый. И ты мой друг.

Валентин вздохнул. Посмотрел внимательно на Алёну.

– Когда ты созреешь? – спросил серьёзно.

– Я уже давно созрела, – ответила та ему так же серьёзно, – две тысячи лет назад созрела. Не торопи меня. Мы друзья в первую очередь. А не любовники.

– Я знаю, – ответил Валентин, – но хочется поменять статус.

И улыбнулся. Но как-то грустно улыбнулся. Алёна погладила его по плечу.

– Всё будет хорошо, Валёк, не переживай.

Обернулась и поцокала каблучками к входной двери. В утренней тишине это цоканье раздавалось особенно громко. И бёдрами немного в стороны раскачивала при ходьбе. Совсем чуть-чуть, почти незаметно. Но раскачивала. Цок, цок. Всего десять шагов. Но Валентин застыл, не в силах отвести взгляд от её спины.

Остановилась, набрала код на двери. Открыла. Обернулась в дверном проёме. Улыбнулась улыбкой опытной женщины.

– Ты лучший, Валя, – сказала ему и захлопнула дверь.

Поднялась к себе в квартиру. Мама не спала. Так, дремала.

– Всё в порядке, Алёнушка? – спросила. – Тебя Валя проводил?

– Всё в порядке, мамочка, – отозвалась Алёна, – мы чехов провожали. А потом уже мой рыцарь меня проводил. Тем более ему по пути. Я спать.

И она нырнула в свою комнату. Сняла платье, повесила его обратно в шкаф. Обернулась в полотенце и сбегала почистить зубы. Через минуту вернулась к себе, на минуту заглянув в мамину спальню. Та уже спала.

Алёна плотно задёрнула шторы, чтобы через час-другой её не разбудил знакомый солнечный лучик. Нырнула под одеяло. Сладко потянулась. Закрыла глаза. Уснула.

## Глава 2. Агриппина

Она проснулась по привычке рано, около четырёх утра. В комнате было темно. Рядом спал муж. Лишь его ровное дыхание было слышно в темноте, и оно вселяло в Агриппину спокойствие и нежность. Она протянула руку, провела пальцами по его спине. Нащупала старый шрам. Осторожно поцеловала его. Потом неслышно встала и выскользнула из комнаты. В атриуме её уже ждала служанка.

– Сходи за молоком. И вели остальным разжечь огонь, я буду готовить завтрак, – велела она рабыне.

Та кивнула и удалилась. Агриппина обернулась. На пороге спальни в полутьме стоял её муж, Виктор Фурий. Уже постаревший, но всё такой же красивый и подтянутый. Ему было сорок лет. Старый воин, повидавший многое за свою жизнь. Сегодня после полудня, ближе к вечеру, он возвращался к своим солдатам. Чтобы на рассвете отправиться в свой последний поход. В Иерусалим.

Агриппина подошла к нему и поцеловала.

– Поспи немного, я приготовлю завтрак и разбужу тебя, – прошептала она ему.

– Я не хочу спать, – так же шёпотом ответил ей Виктор, – я хочу свою жену.

И он увлёк её в спальню. Вернувшаяся рабыня потопталась на пороге, послушала звуки, раздававшиеся из спальни,



и отправилась на кухню. Рассвело. Проснулась дочка. Любимица. Направилась было в спальню к родителям, но была вовремя поймана ловкой служанкой. Вслед за дочкой из своей спальни вышел сын.

Шестнадцать лет. Высокий. Очень похожий на отца. И лицом и характером. Виктор-младший. Забрал девочку у служанки, повёл её кормить рыбок в бассейне. Он сегодня уходил вместе с отцом. В свой первый поход. Мужчина. И уже не мальчик.

Агриппина вышла из спальни, подошла к бассейну и несколько минут любовалась своими детьми. Виктор что-то рассказывал младшей сестрёнке, Юноне. Что-то про рыб. Девочку назвали в честь всемогущей богини, которую Агриппина очень почитала.

– А вы умылись? – подойдя сзади, спросила она у детей.

– Мы тебя ждём, – закричала Юнона и бросилась к маме на шею.

Виктор не стал проявлять телячьи нежности и просто поздоровался с матерью. Пошли умываться. Вместо мыла – пепел бука. Вода холодная, но чистая. Юнона немного покапризничала, но разрешила себя умыться. После них пришёл умыться отец. Виктор-старший. С ним был раб, который его брил.

Агриппина прошла на кухню. Каша уже была готова. Служанка пекла лепёшки. Пахло вкусно. Всей семьёй позавтракали. После чего оба Виктора ушли в город по своим муж-

ским делам, а Агриппина с дочкой остались дома.

Дочкой занялась пришедшая к ним учительница. Они с девочкой уединились в углу атриума и на специально принесённом песке принялись рисовать цифры. Сегодня по плану была арифметика.

Агриппина прошлась по своему большому дому. Раздала указания рабам. Вышла из дома, завернула за угол. К её дому примыкала пристройка, которая имела отдельный вход. Из пристройки лет десять назад сделали лавку, которую всё это время арендовал Агазон, старый грек, торгующий мылом и косметическими маслами.

С греком у Агриппины было обоюдовыгодное коммерческое партнёрство. Виктор несколько раз отправлялся в поход в предгорья Атласа, где росло интересное дерево. Агриппина убедила мужа привезти из похода плодов этого дерева, из которых было получено масло. Которое, в свою очередь, продавал старый грек по сумасшедшей цене. В дальнейшем масло стали делать в Африке и привозить уже готовое на продажу в Рим.

Это было аргановое масло. Часть его Агриппина использовала сама, а остальное за хорошие комиссионные продавал страждущим женщинам Рима Агазон. Рекламой их продукта была сама Агриппина, в свои тридцать восемь лет выглядевшая как двадцатилетняя девушка. Виктор, поначалу относившийся к увлечению жены снисходительно, с каждым новым возвращением из военного похода постепенно менял

своё мнение. У него сложилось впечатление, что его жена не старела.

Особо много денег органовое масло не приносило. Но торговля им давала другое. Агриппина была вхожа в любой дом Рима. Она имела самые различные знакомства, в том числе на самом верху. Выше были только боги. Она очень редко использовала эти знакомства, но её просьбы всегда выполнялись. И это давало ей ощущение власти.

Именно она отправила Виктора в его последнюю поездку в Иерусалим. Не было никакой нужды посылать туда римских солдат. Но сенат вдруг решил, что небольшой отряд должен отправиться в Иерусалим и усилить охрану префекта Иудеи. И возглавить этот отряд должен был именно Виктор.

Добиваясь этого, Агриппина преследовала две цели. Первая – любимый муж и не менее любимый сын отправлялись не в опасный военный поход, а в увеселительную прогулку в одну из провинций. Вторую причину Агриппина изложила в виде просьбы вчера вечером. Она сказала, что во время праздника Песаха в Иерусалиме будут казнены три человека: два бандита и один проповедник. И попросила сразу после казни срезать локон у этого проповедника и привезти ей. Виктор удивился просьбе жены. Но пообещал её выполнить.

Зачем ей это надо было, Агриппина толком не понимала. Но знала – пригодится. Хотя верила в свою богиню Юнону, храм которой находился недалеко от её дома.

Она вошла в пристройку грека. Агазон уже ждал её. Рабы-

ня провела её в отдельную комнату. Раздела, намазала маслом. Уложила Агриппину на кушетку и принялась массировать тело. За занавеской грек принимал ранних посетителей. Жительницы Рима посылали к нему рабов. Но иногда и приходили сами: лично посоветоваться с Агазоном насчёт каких-либо кремов и получить от грека консультацию. Из соседней комнаты доносился храп. Вначале Агриппина не обращала на него внимания. Но потом он стал её раздражать.

– Кто там? – спросила она у рабыни.

– Какой-то дальний родственник хозяина, – ответила та, не прекращая мять тело Агриппины, – сумасшедший, живёт на подаяния. Но очень умный. Он говорит с богами.

В Риме в последнее время развелось очень много таких бродяг. От граждан они отличались наличием бороды и грязной одеждой.

– Как же Агазон пустил такого грязнулю к себе в лавку? – удивилась Агриппина. – Он же ему всех покупателей распускает своей вонью.

– Хозяин вымыл бродягу, – ответила рабыня, – одежду мы ему вычистили. Они до полуночи с хозяином о чём-то говорили.

Надо будет посмотреть, что за странный грек, подумала Агриппина. Рабыня между тем закончила массаж. Обтерла тело Агриппины влажным полотенцем и помогла надеть тогу. Затем расчесала ей волосы. И вовремя. Прибежавший мальчик сообщил, что муж и сын Агриппины вернулись

на обед. И не одни, а с соседом. Агриппина поморщилась. Она недолюбливала своего соседа, хвастливого и ленивого патриция, которому его наследство досталось от его родителей, скончавшихся от какой-то болезни, когда тот был ещё довольно молод. Но Агриппина натянула на лицо приветливую улыбку и отправилась к себе, по пути благодарно кивнув греку, который в это время разговаривал с очередной клиенткой.

Обед проходил в атриуме возле пруда. Рабы постелили ковры, накидали подушек. Мужчины улеглись на них и в ожидании обеда нетерпеливо беседовали. Точнее говоря, беседовал Виктор с соседом Гаем. Младший Виктор внимательно слушал старших.

– Мир сошёл с ума, – горячась и размахивая руками, говорил Гай, обращаясь то к Виктору-старшему, то к его сыну, то к проходящим мимо рабам. – Когда идёшь против человеческой природы, добра не жди. – Он был уже заметно нетрезв.

– Ну почему сошёл с ума? – мягко отвечал ему Виктор. – Всегда так было. Просто ты на это не обращал внимания.

– Не обращал внимания, – соглашался Гай, – потому что это было дело каждого. А сейчас это стало модой. Спать с мальчиками стало чуть ли не правилом хорошего тона. Как будто женщины в Риме перевелись. – Он выпил воды из кубка и продолжил: – Раньше было как? Никого не интересовало, с кем и где ты занимаешься сексом. Хочешь – с женщиной, хочешь – с мужчиной. Личное дело. Сейчас же идёт

пропаганда гомосексуализма. Я так думаю, это специально делается.

– Зачем? – искренне удивился Виктор.

– Как зачем? – воскликнул Гай. – Неужели непонятно? Сенат, да и не только сенат, обеспокоен ростом населения нашего замечательного города. Народ всё прибывает и прибывает. Женщины рожают и рожают. А если мужчина спит с мужчиной, а женщина с женщиной, то никто рождаться не будет. И народ делом занят, и рождаемость снижается.

– Интересная точка зрения, – пряча улыбку, сказал Виктор.

– Это не просто точка зрения, это так и есть на самом деле, – подняв вверх указательный палец, промолвил Гай, – я-то точно знаю. Идёт пропаганда гомосексуализма. Скоро празднества по этому поводу будем устраивать. Будем наряжать мужчин в женские одежды, женщин в мужские и толпами по улицам города с плясками и танцами ходить.

Подали мясо ягнёнка. Сосед отвлёкся на еду и замолчал. Агриппина, пользуясь паузой, поздоровалась с соседом и спросила про здоровье его семейства. Тот махнул рукой, мол, всё хорошо. Агриппина вернулась на кухню и приказала разбавить вино водой перед подачей на стол. А Гай между тем, утолив голод, продолжал разглагольствовать.

– На меня знакомые смотрят косо. Потому что я не сплю с мальчиками. Но я не хочу с ними спать. Мне женщины нравятся. Особенно африканские наложницы. Они такие горя-

чие, такие страстные.

– Так ты для вида заведи себе кого-нибудь, – посоветовал ему Виктор, – не обязательно же тебе с ним совокупляться. Просто периодически выходи с ним в город и по спине поглаживай на людях. Ну и рассказывай побольше, ты же это умеешь.

– Нет, – от возмущения Гай поперхнулся, – зачем мне эти игры? Я уважаемый патриций, и уважения достиг не тем, что лежу по ночам на мальчиках. А тем, тем, тем... – Гай замолчал, вспоминая, чем он заслужил уважение. Но так и не вспомнив, вновь махнул рукой, выпил вина прямо из кувшина и продолжил. – Вот увидите, будут ряженные ходить по улицам Рима и праздновать свои праздники. Забудут богов. И запретят женщине совокупляться с мужчиной. И вымрет наш народ, потому что никто не будет рожать.

Сосед тяжело вздохнул, отодвинул тарелку с обглоданными костями и вновь припал к кувшину. Виктор плавно перевёл тему разговора на предстоящие праздники в Риме, на которых он не сможет побывать. Сосед вяло отвечал, всё больше и больше пьянея. Даже добавленная в вино вода не смогла спасти его от опьянения. Наконец он откинулся на подушки и захрапел. Подбежавшие слуги уложили его на носилки и унесли Гая в дом, стоящий по соседству. Виктор с сыном умыли руки после еды, полежали на подушках, переваривая мясо. Агриппина отдала рабам приказания по хозяйству и села с дочкой учить арифметику. Сели они недалеко

от места обеда. Виктор смотрел на жену и дочь, и по лицу его блуждала улыбка. Он думал о том, что скоро – пройдёт меньше года – он вернётся домой и больше никуда не уедет. Будет жить с любимой женой, провожать сына в походы и слушать пьяную соседскую болтовню. Агриппина ловила его улыбку и посылала в ответ свою. Наконец мужчины поднялись. Забегали рабы, проверяя, всё ли приготовлено к походу. Подали носилки. Агриппина обняла сына, поцеловала его. Тот неловко отвернулся, стесняясь материнской ласки. Виктор положил руку жене на плечо, погладил волосы.

– Я скоро вернусь, – сказал обычно.

– Я буду ждать, – эхом ответила Агриппина.

Два Виктора улеглись на носилки, носилки подняли и унесли по улице рабы. Агриппина вернулась с дом. Зашла в спальню. Кровать пахла мужем. Она легла на неё, закрыла глаза и прошептала: «Всё будет хорошо». Прибежала Юнона и вытащила мать на свет. До вечера Агриппина прозанималась с ней арифметикой, складывая и вычитая. Для примера они ловили в прудике рыбок, складывали их в большую тарелку, наполненную водой. Это было сложение. Потом по очереди выпускали рыбок. Это было вычитание. Так и провозились до вечера с рыбками, складывая и вычитая. Как стемнело, перекусили хлебом и водой. Рабы убрали во дворе. Погасили огонь. Агриппина со спящей девочкой на руках зашла в спальню, положила ребёнка. Разделась, легла рядом. Обняла дочь и заснула.



## Глава 3. Сара

Сара проснулась, но лежала с закрытыми глазами ещё некоторое время, стараясь сохранить очарование прошедшего римского дня. Но запахи говорили о том, что она в Праге. В златоглавой Праге в конце мая 1942 года.

Сара ещё помнила объятия своего римского мужа. Точнее было сказать, мужа Агриппины. У Сары из Праги не было мужа. Была только дочка. Белокурый ангел, оставшийся ей после брака с Войтехом, который умер год назад, оставив Саре долги и девочку.

Комнату она снимала у своей подруги Марты. У Марты был муж. У мужа была бакалейная лавка. В пристроенной к лавке комнатке и жила Сара с дочкой Дагмар. Она ласково называла её Дадулочкой.

В мире шла война. А в Праге было всё спокойно. Люди ходили на работу, гуляли по городу, сидели в кафешках и пивных, катались на лодках по Влтаве. На улицах играла музыка.

Сара осторожно потянулась, стараясь не задеть спящую девочку. Выскользнула из-под одеяла. Накинула на плечи плед и, стараясь не шуметь, зашла в туалет, совмещённый с ванной. Умылась, почистила зубы. Расчесалась. Вернулась в комнату. Дочка уже не спала. Лежала на кровати и улыбалась маме.

Её сложно было не разбудить, так как само помещение было приспособлено и под спальню, и под кухню, и под детскую. Совмещённый санузел был сделан из плотного картона и пропускал все звуки. В углу комнаты стояла небольшая печка.

– С добрым утром, принцесса, – сказала Сара дочке.

– Мамочка, с добрым утром, моя мамочка, – пропела Дадулка.

– Вставай, соня, – затормошила дочку Сара, – вставай, жениха проспишь.

Девочка рассмеялась, поцеловала маму и отправилась в санузел. Пописать, умыться, почистить зубы. Ежедневный утренний ритуал двух дам. Сара растопила печку, вскипятила молоко и приготовила дочери овсянку. Пока дочка ела, вытянула из-под оконной рамы две рыбёшки, форели. Отложила их в сторону. Затем поставила на печку большую кастрюлю, чтобы позже было можно помыться тёплой водой. Для этого у неё в санузле стояла небольшая ванночка.

А тёплой воды в Европе в то время не хватало. Умывались холодной. А греть воду, чтобы потратить дорогое топливо на принятие тёплой ванны, считалось излишней роскошью. Поэтому если и мылись, то обычно в одной ванне сразу вся семья. По очереди.

Сара покормила дочку, одела её, причесала. Полюбовалась на свою красавицу. Дадулка засмущалась под взглядом любящей мамы и побежала к двери. Сара взяла её за руку,

вышла из дома, подошла к соседней двери, постучала.

Дверь открыла Марта, как будто ждала их. Она была бездетна и очень привязалась к девочке. На два года младше Сары, с приятным миловидным личиком, которое только портили глаза навывкате и бородавка на правом крыле её носика.

– Вторник? – спросила Марта и засмеялась.

– Вторник, – смущённо произнесла Сара и спросила: – Отведёшь Дадулку в школу?

– Конечно, отведу, – Марту забавляло смущение Сары. – Ты там смотри, вторую дочку ненароком не заделай.

– Не заделаю, – ответила Сара. Хотя ещё ребёнка ей хотелось. Мальчика. Который вырастет и защитит свою маму.

Она вернулась к себе в комнату, поставила на печку сковородку. В это время на улице послышался шум мотора. Сара метнулась к окну. Выглянула из-за занавески. К тротуару подъехал небольшой грузовичок. Водитель, белобрысый парень в полицейской форме, остановил машину прямо у двери Сариной квартиры. Несколько секунд постоял, затем тронулся, завернул за угол и остановился. Из-за угла дома остались торчать задний борт грузовика.

– Конспиратор несчастный, – с улыбкой прошептала Сара.

Водитель, прижимая к груди перевязанный бечёвкой свёрток, подошёл к двери Сариной квартиры и негромко постучал. Сара открыла. Парень нырнул в квартирку.

– Здравствуй, Сара.

– Добрый день, Либор.

Сара закрыла дверь, Либор протянул ей свёрток. Было видно, что он стесняется. Ему было чуть больше двадцати лет, высокий, широкая кость, приятное лицо. Либор работал в пражской полиции водителем. И по вторникам с восьми утра до десяти вечера у него было свободное время. Которое он использовал, заезжая к Саре. В свёртке были конфеты для девочки, пара пачек кофе и бутылка моравского вина. Сара, не распаковывая, положила свёрток на стол.

– Я за углом припарковался, – смущаясь, сказал Либор.

– Я видела, как ты парковался, – глядя на него, с улыбкой ответила Сара.

Парень окончательно стушевался.

– Ты что вначале будешь? Секс или рыбу? – всё с той же улыбкой спросила Сара.

Либор на минуту задумался.

– Рыбу, – ответил.

Сара кивнула головой и пошла к печке жарить рыбу. Либор снял фуражку, расстегнул китель. Сел на стул. Сара повернулась к нему спиной и принялась готовить рыбу. Обвалила её в муке, налила масло на сковородку. Всё делала не спеша, спиной к Либору. Иногда Сара переступала с ноги на ногу. Знала, что Либор смотрит на неё. Она знала, что мужчину надо сначала накормить. А потом удовлетворить. И он будет ручным.

Либор сидел на стуле, с улыбкой поглядывая на красивую вдовушку. Она ему нравилась. Он приезжал к Саре каж-

дую неделю по вторникам. За сексом. Два здоровых человека делают друг другу приятное. Без каких-либо обязательств. Просто секс.

Так думал Либор. У Сары же были немного другие планы в его отношении. Саре нужен был муж. Одинокой женщине с ребёнком очень тяжело приходится в любые времена. Даже если у неё много друзей и хорошая работа. И мужем, по замыслу Сары, должен был стать именно Либор. Хорошая работа, в полиции. Водителем. Молодой, здоровый, наивный. Мечта для женщины с ребёнком. Тем более, что Сара хотела второго.

Она чувствовала это – что надо рожать второго. Она вообще много что чувствовала: когда женщина должна родить, когда она может забеременеть. Именно поэтому Сара пошла в гинекологи.

Работала она вначале на Аполинарской, в самой старой в Европе больнице для беременных женщин. До тех пор, пока Алёна не изучила историю Второй мировой войны и что в этой войне произошло с евреями.

Сара вышла замуж за чеха, сменила фамилию, переехала в другой конец Праги. Обрубив связи со своей семьёй, в которой выросла. Она вначале пыталась объяснить отцу и матери, что им надо уезжать из Европы. Но не была понята. Не переубедить ей было упрямую еврейскую семью, которая считала Сару ненормальной и немного ведьмой. Родители вместе с её пятью братьями и одной сестрой собирались

переезжать, но в соседнюю Германию. В Мюнхен, куда их звали родственники.

Переехали. В тридцать первом году. И больше их Сара не видела и не слышала. Да и некогда ей было следить за прежней семьёй. Надо было разбираться с новой. Войтех только на первый взгляд казался красивым и умным парнем. После свадьбы Саре предстал совсем другой Войтех. Безалаберный эгоист с криминальными наклонностями. Да, он был чертовски привлекателен. С льняными волосами и белозубой улыбкой, спортивный, поджарый, рост 180 сантиметров, он очень нравился женщинам.

Чем и довольно успешно пользовался. Гулял Войтех от Сары по-чёрному. Мог неделю не приходить домой. Потом возвращался от очередной пассии. Злой и недовольный. Но с деньгами. Работал Войтех в местной матрике, в отделе, который занимался регистрацией рождённых и умерших граждан. Благодаря ему Сара из еврейки превратилась в чистокровную чешку. Но имя оставила.

Рожать от Войтеха она не хотела. Да и боялась подхватить от него какую-либо заразу. Поэтому буквально с первого дня замужества пользовалась презервативами. Но когда почувствовала, что ей необходим ребёнок, то отправилась к родственникам мужа на Мораву, где благополучно переспала с приглянувшимся ей деревенским пареньком. Войтеху сказала, что презерватив порвался и он скоро станет отцом. Войтех воспринял известие спокойно.

Сара родила девочку. На Аполинарской, в самом старинном роддоме в Европе, где она работала медсестрой, параллельно учась на гинеколога в Карловом университете.

Сара обожала эту больницу. Точнее, целый больничный комплекс, построенный из красного кирпича рядом с Высочиной. На тот день в больнице было самое современное оборудование и самые лучшие врачи Чехии. Родить на Аполинарской было в какой-то мере престижно. И Сара родила. Маленькое белокурое чудо, которое в данный момент находилось у соседки. А чуть позже Марта должна была её вначале отвести, а потом забрать из школы. И оставить ночевать у себя.

Либор сидел на стульчике и смотрел, как Сара жарит рыбу. Она стояла к нему спиной у плиты, чуть покачиваясь. Как будто танцевала. Либор сглотнул, стащил с себя китель и, подойдя к Саре сзади, обнял её, схватив руками за грудь.

– Погоди, рыба уже почти готова, – засмеялась та, шутливо ударив его по руке.

– Не могу ждать, – прошептал ей Либор на ухо, – я целую неделю ждал.

Он переместил свои руки Саре под юбку, обнаружил, что она без трусиков, и начал стаскивать с себя штаны. Сара перекинула сковородку с уже готовой рыбой на стол и повернулась к любовнику. Но тот, уже без штанов, повернул Сару к себе спиной, наклонил и навалился на неё. Сара, чтобы не упасть, облокотилась на стол, широко расставила но-

ги и прогнулась. Либор вошёл в неё. Сара охнула. Стол медленно пополз к стене под натиском бравого полицейского. Сара одной рукой держалась за стол, другой пыталась удержать сковородку с рыбой, чтобы та не упала, и потихоньку, на цыпочках, семенила за ехавшим по деревянному полу столом. Сзади напирал Либор, постепенно убыстряя темп. Наконец стол уткнулся в стену и остановился. Сара со сковородкой в руке наконец-то смогла сосредоточиться на своих внутренних ощущениях. Ей было хорошо. Она любила эту позу. И любила эти любовные экспромты Либора.

– Я сейчас, я уже почти, – застонал Либор.

– погоди, подожди меня, – попросила Сара, повернув голову вбок. Либор замедлил темп.

– Я забыл кондом, – сообщил он охрипшим голосом.

– Сегодня можно без него, – отозвалась Сара. Хотя она отлично знала, что именно сегодня у неё овуляция и она наверняка забеременеет. Но ей хотелось второго ребёнка. Ей хотелось мужа, который бы обеспечивал их семью. А Либор на эту роль был самая подходящая кандидатура. Он ей нравился. И судя по всему, он был влюблён в Сару. У них существовала договорённость по поводу встреч по вторникам: просто секс, без обязательств и без претензий. Но ведь это Либор сегодня забыл надеть презерватив. И именно он будет виноват в том, что родится ребёнок. Останется только всплакнуть, надавить на его чувства, и Либор сам сделает ей предложение. Сара ещё сильнее изогнулась, застонала – «да,



да, да». Волна приятной истомы взорвалась внутри неё оглушительным оргазмом. Одновременно с ней кончил Либор, залив её внутренности своим семенем. «У меня будет ребёнок, – в полуобморочном состоянии подумала Сара, – и это будет мальчик». Либор отвалился от неё и пошатываясь отправился в санузел приводить себя в порядок. Сара сползла со стола, всё ещё держа сковородку с рыбой в руке. Поднялась. Поставила сковородку на стол. Легла на кровать, положив ноги на спинку. «У меня родится мальчик», – прошептала.

– Что ты говоришь? – спросил вернувшийся в комнату Либор.

– Я говорю, ты меня совсем измотал, – улыбнувшись ему, ответила Сара. – Садись кушать рыбу. Я немного полежу, сил совсем нет.

Либор довольно хмыкнул и сел за стол. Не спеша съел рыбу, выпил стакан воды. Повернулся к лежащей на кровати Саре. Она поманила его. Либор лёг рядом. Обнял. Они начали целоваться. Либор гладил волосы Сары, целовал её грудь, шептал что-то на ухо.

– Я ещё хочу. И могу, – услышала Сара.

– Нет, нет, нет, – отозвалась она, – я тоже хочу, но тебе сегодня работать. Через неделю, во вторник. Мы же договаривались.

– Я могу в субботу заехать, – прошептал ей на ухо Либор, – скажу родителям, что заболел и не поеду на Слапы.

– Посмотрим, милый, – улыбнулась Сара, – посмотрим, как получится. Ты не забывай, у меня же дочка ещё. Куда я её в субботу дену?

– А можем сходить в парк, оркестр послушать, – опять зашептал Либор, – я бы ей конфет купил. Мне твоя дочка нравится, я себе бы хотел такую же.

Либор вскочил и полез в карман кителя за конфетами. Сара села на кровать, посмотрела на часы.

– О боже, – вскрикнула, – уже почти десять часов. Я на работу опаздываю, – заметалась по комнате, одеваясь, приводя себя в порядок.

– Я тебя подвезу, – предложил свою помощь Либор. Обычно Сара всегда отказывалась от его предложений подвезти. Но сегодня было не до приличий. Опоздание на работу грозило серьёзными неприятностями. И Сара согласилась на предложение Либора. Тем более всё равно он скоро станет её мужем, подумала она. Выскочили на улицу. Сара закрыла дверь на ключ. Завернули за угол. Либор галантно открыл перед Сарой дверь грузовичка, подал ей руку. Молодцевато запрыгнул на место водителя. На его лице блуждала довольная улыбка. Машина завелась. Поехали.

Либор гнал по дороге, стараясь выжать из грузовика максимальную скорость. Но Сара всё равно опаздывала. Вдалеке появилась крыша больницы. И в этот момент впереди вдруг что-то щёлкнуло. А через несколько мгновений раздался взрыв. За поворотом поднялось облако дыма.

– Что это? – закричала Сара.

– Не знаю, – ответил Либор, но скорость сбросил. И вовремя. Откуда-то из-за кустов чуть ли не под колёса бросился какой-то человек с холщовым мешком. Шарахнулся от машины, упал. Поднялся. Дико взглянул на них и припустил бегом в сторону реки.

Повернули за угол. Поперёк дороги стоял легковой автомобиль с открытым верхом. Задние колёса дымились. Рядом с машиной лежал немецкий офицер. Либор резко затормозил, чуть не наехав на лежащего. Офицер приподнял голову. Сара вгляделась в него и дико закричала. Это был Виктор. Её любимый муж Виктор из Рима. Время остановило свой бег. Пространство сузилось до маленького пятка перед дымящейся машиной, возле которой лежал её Виктор. Её муж, её любовь, её жизнь. На полусогнутых ногах Сара выскочила из машины и бросилась к нему. Подбежала, упала на колени. В висках стучало. Офицер скорчился от боли и простонал по-немецки: «Я ранен». Это был не Виктор. Вблизи было видно, что этот человек лишь похож на мужа Агриппины. Практически одно лицо. Но это был не Виктор.

– Куда вас ранило? – также по-немецки спросила Сара.

– Эти трусы бросили бомбу, она взорвалась сзади, – прошептал офицер.

Рядом появился Либор и ещё какой-то человек в немецкой форме. Водитель, поняла Сара.

– Надо спасти господина рейхспротектора, – закричал во-

дитель, — или он истечёт кровью.

— Я врач, — ответила ему Сара, — но тут мы ничего не сделаем, надо отвезти его в больницу. Тем более она возле нас, на холме. Либор, давайте погрузим офицера в твою машину и отвезём на Буловку. Только быстро, а то он умрёт от потери крови.

Либор открыл кузов грузовика, и они втроём погрузили стонавшего от боли немецкого офицера. Им помогли несколько прохожих. Подъехал трамвай. Из него вышли пассажиры. Если бы не дымящийся автомобиль, то можно было бы подумать, что ничего не произошло.

— Что же теперь будет, — шептал перепуганный водитель, — что теперь будет? Это же господин Рейнхард Гейдрих. Это же друг самого фюрера. Нас теперь всех отдадут под суд и пошлют на фронт. За то, что не уберегли.

У водителя осколком задело руку. Но он не обращал на это внимания. Сара вместе с причитающим водителем забралась в кузов к раненому. Машина медленно поехала по направлению к больнице. Сара положила голову раненого офицера к себе на колени. Он всё-таки был безумно похож на Виктора. На её возлюбленного мужа. И она молилась богине Юноне, чтобы этот офицер не умер. Потом она прочитала про себя еврейскую молитву. Попыталась вспомнить «Отче наш», но осилила только две первые строчки.

Внезапно автомобиль остановился. Раздались крики. Откинулся кузов. Какие-то люди бережно взяли раненого и от-

несли его в больницу. Сара с их же помощью спрыгнула с кузова. Её одежда была заляпана кровью.

Сара как в тумане дошла до своего отделения. Заведующий ждал её на пороге.

– Я всё знаю, мне уже доложили про ваш героический поступок, – скороговоркой выпалил он, – вам сейчас помогут переодеться, и можете идти домой.

– Я не пойду, – почему-то испугалась Сара, – я останусь работать. Мне надо переодеться, и я останусь работать. Если надо, я могу сдать кровь для раненого офицера.

– Это не просто офицер, это рейхспротектор, – перебил её заведующий, – а насчёт сдачи крови вы хорошо придумали. Я пойду отдам распоряжения.

И он умчался. А Сару привели в сестринскую, переодели, как маленькую. Напоили кофе. Коллеги обращались с Сарой, как с тяжелобольной. А она и была больной. У неё болело и разрывалось сердце от любви к своему римскому мужу Виктору и от жалости к раненому немецкому офицеру, так похожему на Виктора. Сара выпила кофе, посидела минут пять. Потом поднялась и отправилась в операционный зал. Приняла роды.

Только собрались отдохнуть, как примчался заведующий. Всем сдать кровь для рейхспротектора Богемии и Моравии. Все безропотно пошли сдавать кровь. Сдали по пол-литра каждый. Вернулись в операционную. Рожениц, на счастье, не было, словно они все прониклись важностью момента

и отложили роды до более подходящего случая.

Всей бригадой переместились в сестринскую. Вновь прибежал заведующий. Принёс сосиски и красное вино. Выпили. Начали расспрашивать Сару. Она рассказала, что опаздывала на работу и её подвёз знакомый шофёр. И как они увидели взорванную машину. И как довезли рейхспротектора до Буловки.

Сару слушали, спрашивали подробности. Гадали, что будет из-за этого покушения. Большинство жалело раненого. Ведь именно при нём в Чехии были повышены зарплаты и нормы питания. Вновь примчался взмыленный заведующий. Выпил с ними вина. Сказал, что за инициативу сдать кровь его лично поблагодарил заместитель Рейнхарда Гейдриха. И что о покушении уже известно в Берлине.

Незаметно наступил вечер. Сестричка постелила Саре в пустующей палате. Сказала, что её разбудят только в самом экстренном случае. И что это распоряжение заведующего: Сару не беспокоить. Она сегодня героиня и должна выспаться.

Сара поблагодарила девушку. Прилегла на кровать не раздеваясь. Сил не было. И мгновенно уснула.

## Глава 4. Алёна

Алёна открыла глаза. Рывком встала. Питер. Её комната. Почти два часа дня. В соседней комнате кто-то разговаривает. Видимо, дедушка пришёл. Но сейчас не до него.

Не одеваясь, Алёна пододвинула к себе ноутбук, включила. Набрала в Википедии «Рейнхард Гейдрих». С экрана на неё взглянуло знакомое лицо. Лицо Виктора-Гейдриха. Алёна принялась читать о покушении.

Всё. Ни слова о враче, которая находилась в полицейском автомобиле. Будто и не было там Сары. Лишь было указано, что 3 июня Гейдрих скончается в больнице.

Алёна задумалась. Все её три женщины всё это время жили незаметно, не привлекая ничьего внимания. Обычные женщины, 38-летняя в Риме, 28-летняя в Праге и 18-летняя в Санкт-Петербурге. И тут вдруг одна из них попадает в историю, и не просто в историю, а в событие мирового масштаба. Уже одно это было плохо, очень плохо. А то, что про Сару нигде не упоминалось в связи с этим событием, было не просто плохо. Это было ужасно. Это было очень опасно. Алёна ощущала эту опасность каким-то шестым чувством.

Одно дело было отправить Виктора за прядью волос Христа. А совсем другое – быть свидетелем покушения мирового масштаба. И при этом остаться не замеченной историками. Это было плохо.

Алёна встала. Накинула халат и прошмыгнула в ванную. На кухне сидели мама с бабушкой и пили чай. Бабушку Алёна любила. Даже, возможно, больше, чем родителей. Папа был постоянно на работе или в командировках. Мама жила в своём мире. Подруги, шопинг, социальные сети.

А бабушка хоть и появлялся редко, но всегда находил время для внучки. Любил погулять с ней по родному Питеру. Сходить в кино. Или дома посмотреть новый фильм. Или просто в кафе попить кофе. И поговорить. Говорили они на любые темы и обо всём. Когда Алёна только родилась и родители давали ей имя, то произошёл случай, который сразу же привязал внучку к деду.

Её привезли из роддома, положили на стол, развернули и стали любоваться прелестным ребёнком, который в ответ оценивающе смотрел на своих родственников. И тут дед начал возмущаться данным ей именем.

– Есть же уже Ленка в семье. Зачем путаться с одинаковыми именами? Назвали бы как-то по-другому. Полно же русских старинных имён. Аграфена, например. Или Агриппина.

Лежащий на столе ребёнок вздрогнул, перевёл взгляд на говорящего деда и постарался сфокусировать взгляд на нём. Удавалось слабо. Глаза разбегались. Тогда Алёна улыбнулась этому расплывчатому лицу, которое назвало её по римскому имени.

– Вот видите, она уже отзывается на Аграфену. Я её буду так звать. Грушей, – заявил уже выпивший пару рюмок водки



дед, – или Агриппиной. А Алёной сами её называйте.

И с тех пор, когда Алёна была вместе с дедом, он звал её Грушей. И он был единственным, кому она рассказала о своих двух женщинах, живущих в других веках и в других местах. На что дед ответил – всё может быть...

Алёна нырнула в ванную комнату. Почистила зубы, причесалась. Надела лёгкое летнее платье с васильками на белом фоне. Выпорхнула в кухню. Чмокнула маму в щёчку, деда в затылок. Те, как по команде, улыбнулись Алёне. Хотя до этого о чём-то спорили.

Мама положила Алёне блинов на тарелку и засобиралась. Встреча с подругой. Что может быть важнее в этот воскресный день? Схватила сумочку, задержалась у зеркала в прихожей и выскочила на улицу. Дед с усмешкой смотрел на Алёну, жадно поглощающую блины со сметаной.

– Как прошёл выпускной?

– Отлично, – ответила Алёна с набитым ртом, – двух чешских зайцев с собой захватили. Потом меня пацаны до дома проводили. Я доем, ладно?

Дед улыбнулся и кивнул головой. Был он одет в модную светлую рубашку и порванные джинсовые шорты. Короткая стрижка наполовину седой головы. Очки в тонкой оправе. Золотые скелетоны на руке. Где и кем работал дедушка, никто не знал. Ни папа, ни мама. Но в средствах дедушка не стеснялся, жил очень даже неплохо. И что самое главное, друзей и знакомых имел немереное количество по всему ми-

ру.

Алёна доела блины. Допила чай. Хлопнула себя по вздувшемуся животу. Дед, улыбаясь, положил на стол холщовый мешочек. Внутри что-то звякнуло.

– Это тебе на окончание школы подарок, – сказал дед.

Алёна взяла мешочек, потянула за стягивающую его горловину верёвочку. Внутри лежали одиннадцать золотых николаевских десятирублёвок. Алёна знала, что дед с её первого класса первого сентября каждый год покупает у нумизматов по золотому червонцу. Но вот наяву их увидела в первый раз. Тяжёлые жёлтые кружочки холодили ладонь, а с аверса глядел последний российский император.

– Спасибо, дедушка, – тихо сказала Алёна и затем добавила, – только ты их у себя положи, чтобы я не растратила раньше времени.

– Хорошо, – отозвался дед.

– И ещё есть одна просьба, – Алёна замялась.

– Хех, от женщин я слышу только одни просьбы в последнее время, – хохотнул дед, – мать твоя вот тоже просьбу в виде ультиматума ставила. А у тебя что?

– Дед, мне в Прагу надо. А для этого деньги нужны, – вздохнула Алёна. – И у меня к тебе просьба. Не мог бы ты под залог моих золотых червонцев выдать мне заём? Мне надо в Прагу.

Дед задумчиво посмотрел на внуку. Помолчал. Съел остывший блин, сиротливо лежавший на тарелке, и наконец

промолвил.

– Все женщины одинаковые, – сказал он, – даже любимая внучка. Всем от мужиков нужны только деньги. Ты же в Прагу и так через два месяца летишь.

– Мне не по учёбе, – ответила Алёна, – мне надо в архивах покопаться. Ты же говорил, что у тебя в Чехии есть друзья. Очень надо.

– Есть, – подумав, сказал дед. – И с архивами поможет, он адвокат и наверняка знает, как и что. Франтишек Блахо. А в интернете что, никак?

– Мы с тобой вместе в интернете искали, – напредила деду Алёна, – в прошлом году ещё. Ничего особенного не нашли. Сара Свободова. Помнишь?

– Помню, – отозвался дед. – А что такого с этой Сарой за год случилось и почему поиски не могут подождать два месяца?

– Обстоятельства новые открылись, – туманно сказала Алёна. – Дед, ты поможешь или как?

– А шо, у меня есть выбор? – придурочно протянул дед. – Раз любимая внучка просит, то куда мне деваться? Ты с родителями договоришься или меня на амбразуру кинешь?

– Я сама на амбразуру, – вскочила Алёнка, – спасибо тебе, дедушка.

Она вскочила, обняла его. Потом вновь сели за стол. Обговорили, на когда покупать билет и где Алёна остановится. А потом дед внезапно взглянул на часы и с криком «У ме-

ня же свидание!» умчался. Алёна улыбнулась ему вслед. Что бы она делала без такого замечательного деда?

Пошла в свою комнату. Взяла в руки телефон. Он был разряжен. Поставила заряжаться.

Вновь включила ноутбук. Битый час просматривала сайты, рассказывающие о покушении на заместителя имперского протектора Богемии и Моравии. Нигде не упоминалась никакая женщина. Алёна задумалась. Может, Сара не существует? Может, это не она живёт в трёх женщинах в разное время, а все три – в одной её голове? Может, она шизофреничка и всё это плод её воображения?

Но нет. Этого не может быть. Она знает всех своих женщин. Она родилась с ними в одно и то же время. И проживает с ними каждую секунду всех трёх их жизней.

В это время в пустой квартире вдруг громко зазвонил телефон. Алёна аж подпрыгнула от неожиданности. Рассмеялась, провела пальцем по дисплею. Это была мама. Она встретилась с папой в центре, и они идут в кино. Зовут её. Но идти никуда не хотелось. Прошлая бессонная ночь давала о себе знать. Да и мысли о Саре мешали сосредоточиться на развлечениях.

Алёна поговорила с мамой, попрощалась. Закончила разговор. Только положила телефон на стол, как он вдруг зазвонил снова. Номер незнакомый. Ответила.

– Добрый день, девушка, – раздалось в трубке по-чешски. – Это Вацлав. Ваш вчерашний знакомый.

– Привет, Вацлав, – ответила Алёна, – но я же не давала тебе свой номер телефона. Откуда он у тебя?

– Мы, чехи, очень хитрые, – довольно хохотнул в трубку Вацлав, – и я взял твой номер у твоей подруги Елены. Не ругайся на неё. Я применил всё своё природное обаяние.

Алёна улыбнулась.

– В коно хочешь пойти? – спросила.

– Нет, я хочу город посмотреть, и если можно, то гидом бы взял тебя. С меня в качестве оплаты ужин в любом петроградском ресторане, – отозвался Вацлав.

Алёна задумалась. Она только что отказалась от кино с мамой. Но то мама. А тут молодой и симпатичный чех. Который ей, кстати, понравился, когда влетел на их теплоход. И Алёна согласилась.

Через минут сорок она уже стояла у книжного магазина на Фонтанке и ждала Вацлава. Ждать пришлось недолго, минут пять. Вацлав вынырнул из толпы, пожал Алёне руку и, как старую знакомую, не стесняясь, поцеловал в щёку. Алёна смутилась, но вида не подала. Лишь усмехнулась и потащила своего спутника по городу.

Маршрут был уже пройденный не один раз. Храм Спаса на Крови, Зимний, Адмиралтейство, Исаакиевский собор. Далее Петроградка и Васильевский остров. Но у Адмиралтейства Вацлав затащил Алёну в ближайший ресторан и сказал, что экскурсия на этом закончилась. Что он это уже видел и хочет просто посидеть и отдохнуть.

Сели. Заказали еду. Окрошку на квасе и голубцы. Поели. Алёне идти никуда не хотелось. Еда плавно оседала в желудке, убаюкивая и сковывая мышцы. Судя по всему, Вацлав был в таком же состоянии.

– Я через неделю еду в Прагу, – сообщила ему Алёна.

– Отлично, – отозвался он, – а где ты остановишься?

– Не знаю, ещё не думала о этом, – протянула Алёна. Она и правда как-то упустила этот момент.

– Если что, у меня есть знакомый риелтор, – оживился Вацлав, – или у меня можешь пожить. Я как раз от родителей переехал в двушку. Новый район, и от метро недалеко.

– Спасибо, а как с риелтором связаться? – спросила Алёна, проигнорировав предложение о двушке.

Вацлав покопался в карманах и вытащил визитку, сделанную в виде двухдолларовой банкноты. Протянул Алёне.

– Держи. Это твой соотечественник. И, по-моему, он тоже из Питера.

– Спасибо, – поблагодарила Алёна, – завтра свяжусь с ним.

Она взглянула на Вацлава. Парень всё больше и больше нравился ей. Да и в далёкой Праге мог бы пригодиться новый знакомый.

– А ты чем занимаешься? – спросила она.

– В данный момент провожу время с замечательной русской красавицей, – рассмеялся Вацлав. – А вообще-то я в велоперской компании работаю. Сейчас в отпуске. Ещё пару

недель. Завтра едем дальше. Смотреть Россию.

Принесли счёт. Вацлав расплатился. Вышли из уютного ресторанчика. На улице всё так же было светло. Ох уж эти знаменитые белые ночи, когда можно всю ночь гулять по городу и не знать, что уже поздняя ночь. Алёна глянула на часы. Одиннадцатый час.

– Мне пора домой, – сказала.

– Я провожу, – ответил Вацлав.

Дошли до метро. В вагоне Вацлав рассказывал про Прагу, которую любил так же, как и Сара. Алёна слушала знакомые названия, улыбалась и молчала. Думала: что там в сорок втором сейчас происходит?

Доехали до Юго-Запада. Вынырнули из метро. Свернули в сторону от Ленинского проспекта. В Алёнином дворе было тихо. Пахло сиренью.

– Вот мой подъезд, – сказала Алёна, – дальше я сама.

Вацлав подошёл к ней и обнял. Он был на голову её выше. Алёна подняла лицо. Поймала его робкий поцелуй. Ответила. Улыбнулась. Затем лёгким движением плеч высвободилась из объятий и зацокала к двери подъезда. Точно так же, как и накануне. У дверей остановилась.

– Спокойной ночи, Вацлав, – сказала, – ты очень хороший. Мы обязательно встретимся в Праге.

И ушла. А Вацлав постоял немного и медленно побрёл к метро. Всю эту сцену наблюдали две тени, стоявшие у соседнего подъезда.

– Валь, мож морду набьём? – предложила одна тень другой.

– Не надо, – отозвалась тень покрупнее, – он просто хороший, а я лучший. Да и силовые методы надо применять в самых крайних случаях. Давай по норам. И так прошлую ночь почти не спали.

И два закадычных друга разошлись по домам. А Алёна поднялась к себе в квартиру, где её ждали родители. Сказала, что для подготовки к экзаменам ей надо через неделю ехать в Прагу. И что дедушка обо всём в курсе и поможет. И что она устала и хочет спать.

Елена Николаевна поворчала. Отец позвонил деду, услышал от него, что девочка выросла и ничего с ней в самом центре Европы не случится. И Алёну отпустили спать.



## Глава 5. Агриппина

Этим утром Агриппина спала долго. Муж и сын в походе. Дочка под присмотром. Долго валялась, пока солнце не стало заглядывать в спальню. Встала. Помылась. Позавтракала. Прошлась по дому, отдавая распоряжения. Поцеловала дочку. Та занималась под присмотром приходящей учительницы рисования.

Вышла из дома. Завернула за угол. Вошла в лавку Агазона. Поздоровалась. Старый грек засуетился, лично провёл Агриппину в комнату для массажа. Потом удалился. Агриппина разделась, легла на кушетку. В этот момент из соседней комнаты донеслось покашливание. Родственник грека, поняла Агриппина и повернула голову. В дверном проёме стоял уже пожилой человек с совершенно седой головой.

– Я попить хотел, – сказал человек, – попыю и обратно в свою комнатку. Я спал долго.

Агриппина повернулась к нему всем телом. Нагая и красивая, она бы возбудила любого мужчину, находящегося в комнате. Но седой не подал виду, прошоркал к противоположному углу комнаты, выпил воды из медного кувшина, полил себе немного на волосы и такой же шоркающей походкой вернулся к себе в комнату.

– погоди, – окликнула его Агриппина, – позови массажистку, я тут уже несколько минут жду, и никто не идёт.

Грек повернулся к римлянке, хотел было направиться к выходу, но тут в комнату вошла рабыня. Она извинилась, поклонилась и подошла к Агриппине. Грек же застыл посреди комнаты. Потом очнулся, сел в уголке и принялся наблюдать, как рабыня намазывает тело Агриппины маслом и делает ей массаж.

– Как тебя зовут, грек? – спросила Агриппина.

– Феодор, о прекрасная Агриппина, – отозвался тот.

– Ты знаешь, как меня зовут? – усмехнулась та.

– Как же не знать благодетельницу своего родственника, – ответил грек, – ведь благодаря тебе и твоим связям его коммерция процветает.

– А ты точно его родственник? – спросила Агриппина и, не дождавшись ответа, тут же добавила: – А чем живёшь ты, Феодор?

– Я разговариваю с людьми, – отозвался грек, – и они меня за это кормят и дают кров над головой.

– Ха-ха-ха, – засмеялась Агриппина, – ты хорошо устроился в этой жизни.

– Иногда разговоры забирают больше энергии и жизни, чем тяжёлый физический труд, – вздохнул Феодор.

– О чём же ты говоришь с людьми? – спросила Агриппина. Рабыня намазала её спину маслом и начала массировать. Наша героиня лежала животом на простыне, постеленной на каменный лежак, приятный холод от которого проникал через материал и студил разгорячённое тело. Ей было

хорошо.

– С людьми я говорю о людях. Об их мыслях и поступках. И об их богах, – ответил Феодор, немного помолчав.

– Моя богиня – Юнона. Которой я поклоняюсь, – расслабленно сказала Агриппина, – и которая меня защищает.

– Я знаю про богиню Юнону многое, – перебил её грек, – недалеко от вас есть её храм, который прекрасная Агриппина посещает, судя по всему. Эта богиня покровительствует домашнему очагу. Она богиня брака и материнства. У себя на родине мы называем её Герой.

– Неважно, как её зовут, – переворачиваясь на спину, сказала Агриппина, – важно, что она во мне.

– А ты красивая, – сказал Феодор и продолжил как ни в чём не бывало: – Юнона – одна из важнейших богинь, она входит в Совет богов. И очень хорошо, что ты поклоняешься ей. Но в нашей жизни присутствуют и другие боги. Венера, богиня плотских утех. Минерва, богиня мудрости. Абунданция, богиня изобилия. И многие другие. Я уже не говорю про различных дочерей и сыновей богов и богинь.

– К чему ты клонишь? – спросила его Агриппина, воспользовавшись паузой.

– К тому, – ответил грек, – что кроме Юноны в тебе полно других богов. Просто кто-то ещё спит. А кто-то ждёт своего часа. В каждом человеке полно богов. Мир вокруг состоит из множества цветов. Из множества оттенков. Вот ты поклоняешься Юноне. А торговля маслом через моего родствен-

ника? Это же бог Меркурий в тебе говорит. А когда ты пьёшь вино на празднике урожая – это ваш Бахус, по-гречески Дионис, в тебе веселится.

Феодор помолчал немного и потом продолжил.

– И главное, чтобы твои боги ладили между собой. Чтобы никто не брал верх. Иначе человек становится безумным. И начинает творить зло.

– Интересно рассказываешь, – отозвалась с лежака Агриппина, – но у меня всё в порядке с гармонией. Я люблю мужа, я люблю своих детей. У меня отличный дом и всё хорошо.

– Рад за тебя, – усмехнулся грек, – и вижу, что ты говоришь искренне. Но всегда будь настороже. Не дай плохому залезть в своё сердце. А женщины этому более подвержены, чем мужчины.

– И каких богов мне надо опасаться? – отозвалась Агриппина.

– Разных, – ответил Феодор. – Плутон, бог богатства, может тебя толкнуть на необдуманные поступки в погоне за золотом. Мания может свести тебя с ума. А самые ужасные – это богини мщения. У нас в Греции они зовутся эринии.

– Я слышала о них, – перебила грека Агриппина. – Зависть и гнев мне не присущи.

– Зависть и гнев присущи всем людям, – тихо сказал Феодор, – просто надо уметь их контролировать. Иначе в тебе проснётся самая страшная из эриний. Имя её – Мегера. И она сожрёт тебя. И тебя, и твоих близких. Лицо её пре-

красно. Но взгляд ужасен. Вместо волос у неё растут ядовитые змеи. Тело её бесплодно, а поступки безумны.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – встав с лежанки, спросила Агриппина. – Зачем?

– Не знаю, – пожал плечами Феодор, – я говорю любому человеку, который меня слушает. Я говорю то, что считаю нужным сказать. Прости, если обидел тебя своими разговорами.

Молчаливая служанка накинула на Агриппину льняную тунику. Наклонилась, надела ей кожаные сандалии.

– Не обидел, – сказала Агриппина старому греку, – но заставил задуматься. А зачем мне лишние мысли? У меня и так всё хорошо. Дом, семья. Любимый муж, любимые дети.

Она улыбнулась Феодору и вышла из комнаты. Вернулась в свой дом. Навстречу выбежала дочка. С растрёпанными волосами, смеющаяся.

Агриппина подхватила её на руки, закружила. Потом прижала к груди. Поцеловала.

– Какие боги в тебе, моя любимая? – спросила у дочери.

– Юнона, мамочка, – засмеялась та.

– Хорошо бы, чтобы она в тебе одна и оставалась, – сказала Агриппина, целуя дочку.

Разговор с Феодором заставил её задуматься. И не только о себе, а и о своих двух женщинах, живущих в будущем. Душа у всех трёх была одна. И судя по всему, одни и те же боги управляли их судьбами.

Пока всё было хорошо. В какой-то момент Сара сделала ошибку, не совсем удачно выйдя замуж. Муж оказался совсем неуправляемым и не поддающимся тренировке. Сара испытала на нём все способы женского манипулирования. Всё без толку. Её бывший муж был родом из Судетской области, корнями уходя к немцам. А у немцев для женщин было «правило трёх К» – Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь). А Саре это не очень нравилось. Хорошо, вмешалось провидение, и муж погиб. Успев сменить Саре национальность с еврейской на чешскую.

Муж Сары не бил её и не то чтобы не уважал. Но Саре было очень непросто после вольной жизни Агриппины жить в строго очерченных рамках «трёх К». Агриппина же была полностью свободна. Богата, уважаема. Муж редко бывал дома. Все заботы о детях и о доме лежали на ней. А она любила свой дом, любила своих детей.

Но при этом была полностью предоставлена сама себе. И в её руках находились финансы семьи. Которые она старалась приумножить. Хотя их и так было много. Агриппина жила в очень богатой семье. Наследство отца мужа, приумноженное Виктором в походах и умело сбережённое его женой, позволяло жить в своё удовольствие.

Молодая Алёна в холодном Санкт-Петербурге имела опыт двух своих женщин. Она родилась, когда Агриппине было двадцать, а Саре десять. Но именно она направляла жизнь своих двух других женщин, зная о том, что произошло в Ри-

ме и Праге. Агриппина вовремя остановилась от разврата и чревоугодия. Она окунулась в дела дома и в процесс воспитания детей. Сара переехала в другую часть города, выйдя замуж и сменив национальность. И этим избежала смертельной опасности.

Вечерело. Над Римом стоял гул голосов и треск цикад. Воздух был прозрачен и свеж. Пришёл гонец от её подруги с предложением посетить завтра бани. Агриппина подумала и согласилась.

Поиграла с дочкой. Уложила её спать. Легла сама.

Ей снилось, что она идёт в храм богини Юноны. Но вместо него почему-то приходит в другой храм. Более высокий, более богатый. Над входом возвышается статуя богини. Она прекрасна. Но вместо волос у богини растут змеи. Живые. Змеи шипят, извиваются. С их языков капает яд. Статуя богини неподвижна, лицо её застыло в злобной усмешке. И Агриппина входит в храм.

Она проснулась. Вся мокрая. Было тихо. Лишь где-то слышался шорох и шипение змеи. Как будто перенесённое из сна. Агриппина встала. Во дворе взяла лучину, зажгла её от тлеющего очага. Вместе с проснувшейся рабыней принялась искать змею.

Нашли. Та свернулась кольцами в спальне её дочери, рядом с ложем маленькой девочки. Агриппина передала лучину рабыне. Метнулась к ребёнку. Змея зашипела и попыталась укусить женщину. Но промазала.

Прибежавшие рабы прижали змею палками к полу и убили.

Агриппина осталась спать вместе с дочкой. Та даже и не проснулась.



## Глава 6. Сара

Ночью в больнице было спокойно. Никто не беспокоил Сару. Она выспалась. Умылась. Позавтракала. Вышла из здания больницы прогуляться. За воротами, как будто поджидая, её схватил за рукав заведующий и отвёл в сторонку.

– Пани Свободова, я только что разговаривал с одним человеком, – и заведующий закатил глаза вверх, – и нас с тобой вызывают. В здании администрации мне уже высказали неудовольствие по поводу твоего имени.

– А что такого в моём имени? – удивилась Сара.

– Говорят, оно еврейское. И что женщина с таким именем не могла помогать раненому господину Гейдриху. Ну почему тебя не назвали Марта? – заведующий вопросительно уставился на Сару.

– А при чём тут Марта? Какая Марта? – не поняла Сара.

– Да ни при чём, – отмахнулся заведующий, – это я к примеру сказал.

Подошли к нужному кабинету. Заведующий робко постучал.

– Войдите, – раздалось из-за двери по-немецки.

Вошли. В комнате находились два офицера в форме гестапо. Заведующий не говорил по-немецки, поэтому Саре пришлось всё переводить.

– Большое вам спасибо за помощь господину рейхспро-

тектору, – начал один из офицеров.

– Но в целях пропаганды и безопасности мы не можем афишировать ваш поступок, – продолжил второй, – поэтому вы должны забыть о том, что произошло. Вас не было на месте покушения господина рейхспротектора. Это понятно?

– Да, – ответила Сара.

Перевела разговор заведующему. Тот заверил, что он также обо всём немедленно забудет и весь его персонал также будет страдать амнезией.

Вернулись в отделение. Сару сразу же позвали в операционную. Рожала сорокалетняя женщина, которую муж привёз в роддом накануне. Вечером у неё начались схватки. Но когда женщина приехала в больницу, то они прекратились. Роженицу оставили переночевать. Она уснула. А утром вновь начались схватки.

– Вот все бы так рожали, – пошутила одна из сестричек, – с перерывом на сон.

– Да, ночь была спокойная, – согласилась с ней Сара, – но неизвестно, сколько сейчас времени займёт наша мамочка. Можем и до вечера провозиться. А меня дома дочка ждёт.

Но времени роды заняли всего два с половиной часа. Женщина уже рожала раньше, и поэтому всё прошло без сучка и задоринки.

Сара перерезала пуповину, соединяющую ребёнка и мать. Обтёрла новорожденную девочку полотенцем, удалив слизь и кровь. Ребёнок несколько раз хныкнул, но, уткнувшись в

грудь матери, успокоился.

Сара подождала, когда у роженицы отойдёт плацента. Ещё раз проверила состояние женщины. Взяла на руки девочку. Полюбовалась на неё. Взвесила, измерила рост. Вернула обратно матери.

– Она не хочет брать грудь, – пожаловалась та Саре.

– Значит, не голодная, – ответила Сара. – Проголодается – будет требовать поест. Она у вас спокойная очень. Это хорошо.

– У меня все такие, это третья, – гордо сказала роженица.

– Ну и слава богу, – улыбнулась ей Сара, – отдыхайте. Вы с дочкой молодцы. И я тоже поеду домой отдыхать. Если что понадобится, позовите дежурную сестру.

И Сара вышла из операционной. Зашла в сестринскую. Потом в раздевалку. Переоделась.

Усталость навалилась на неё, как обычно. Каждые роды она переживала так, будто рожала сама. Да и события вчерашнего дня дали о себе знать.

Но главное, было понятно, почему имя Сары нигде не упоминалось в будущем в связи с покушением на Рейнхарда Гейдриха. Её имя в самом начале расследования тщательно стёрли из дела. И никогда больше не вспоминали про неё.

Это было хорошо. Чем меньше о человеке говорят и пишут, тем дольше он живёт. Так считала Сара.

Она вышла с территории больницы. Села на трамвайчик. Доехала до дома. Постучала в дверь Марты.

Дадулка уже ждала её. Выскочила с громким криком из за двери, повисла на маме.

– Заходи, кофе попью, – предложила Марта.

– Лучше чай, – попросила Сара, не любившая этот ужасный напиток, который чехи почему-то называли кофе.

Дадулка слезла с мамы и, взяв её за руку, потащила вглубь квартиры Марты.

– Заходи, заходи, – повторила Марта, – мы тут с дочкой рисованием занимались. Я же в детстве брала уроки. Теперьгодились.

– С чьей дочкой? – не поняла Сара.

– С твоей, – улыбнулась Марта, – ты же знаешь, у меня только твоя дочка.

Сара прошла в глубь квартиры. Муж Марты с утра уехал по делам в Моравию и должен был быть только вечером. В большой квартире царила приятная прохлада и полумрак. На большом обеденном столе лежали куски ватмана с рисунками. На них была нарисована ваза, стоявшая тут же, на окне. В углу стоял мольберт, завешенный мешковиной.

– А там что? – спросила Сара, усаживаясь на стул.

– Это я рисую, – ответила Марта.

– Покажи, – попросила Сара.

– Сама посмотри, – сказала Марта и принялась накрывать на стол для чаепития.

Сара подошла к мольберту, сняла мешковину. На небольшом холсте была нарисована её дочка. Её Дадулочка. От

неожиданности и от восхищения Сара вскрикнула и отступила к столу.

– Марта, это очаровательно, – сказала она, – Дагмарка как живая на твоей картине. Ты великолепно рисуешь.

– Спасибо, – отозвалась Марта. – Меня в детстве хвалили и пророчили большое будущее. Но потом я вышла замуж, и как-то всё забылось. Не до рисования стало.

Сара принялась разглядывать картину более внимательно. Дагмар была на ней немного старше. И одета она была в тунику. Точнее, в балахон, похожий на тунику.

– Твоя дочка похожа на древнюю римлянку, – подойдя сзади, сказала Марта, – поэтому я и нарисовала её так. Тебе нравится?

– Нравится, – ответила Сара, – но почему на римлянку?

– Ну как же? – воскликнула Марта. – У неё благородный нос с горбинкой. Типично римский нос.

«У неё типично еврейский шнобель», – подумала Сара. А вслух сказала:

– Да, это у нас семейное – нос с горбинкой. Видимо, предки были из Италии.

Сели. Вдвоём попили чай. Пока Дагмар что-то чертила в углу на листе ватмана, Сара рассказала про покушение и про своё участие в спасении раненого рейхспротектора. Марта слушала её не перебивая. Потом допила остывший чай.

– Что теперь с тобой будет? – спросила Марта.

– Не знаю, – честно ответила Сара, – всё как-то внезапно случилось. Мне сказали, чтобы держала рот на замке. Я вот только тебе и рассказала.

– Мне можно, – кивнула головой Марта, – я никому ничего не скажу. А вот другим вообще ничего не рассказывай. И приятелю своему в полиции скажи, чтобы помалкивал.

– Я его с тех пор не видела, – ответила Сара.

– Ничего, настанет вторник, и увидишь, – рассмеялась Марта.

– Да ну тебя, – смутилась Сара, – мне сейчас не до этого. Лучше расскажи, что у тебя с мужем?

– А что рассказывать? – лицо у Марты потемнело. – Бабу он себе завёл, мне кажется. Командировки постоянные, приходит за полночь. Да и не спит он со мной почти. Говорит, устал. И постоянно попрекает, что ребёнка я ему не рожу. А как я кого-то рожу, если он со мной не спит совсем?

Сара приобняла подругу.

– Не переживай, Марта, – сказала ей, – перебесится твой муж, и всё будет нормально. У тебя дома уют и порядок. И деньги есть. И покушать всегда приготовлено. Не то, что у этих молодых девчонок, которые только и могут, что ноги раздвигать. А сами даже не знают, как гуляш приготовить.

– Я не переживаю, – всхлипнула Марта, – я ребёночка хочу. Девочку. Как твоя Дадулка.

Посидели, обнявшись. Помолчали. Сара знала, что у Марты никогда не будет детей. И дело не в том, спит или не спит

с ней муж. Дело было в Марте. Она была бесплодна. Сара это видела без всяких анализов и осмотров. Был у неё такой дар. Но она ничего не стала говорить Марте.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.